

Яна Сибирь
*Невероятный
Новый
Год
сестер
Добар*

Яна Сибирь

**Невероятный Новый
Год сестер Добар**

«Автор»

2026

Сибирь Я.

Невероятный Новый Год сестер Добар / Я. Сибирь — «Автор»,
2026

Хотели бы для себя Невероятный Новый Год? Не по-доброму невероятный, а просто невероятный, даже непредсказуемый? Вот и ведьмы Добар, три непутевые сестры тоже не хотели, но судьба распорядилась иначе.

Яна Сибирь

Невероятный Новый Год сестер Добар

Глава 1

Потихоньку помаленьку ведьмы Добар привыкли к жизни в новой деревне. Конечно, их до сих пор раздражало близкое соседство с людьми, но они каждый день учились не придавать этому какое-то особое значение. Проще говоря, они заставляли себя не обращать внимания на деревенских жителей, то есть полностью игнорировали их существование.

Даже, несмотря на то, что до самого волшебного праздника оставалось меньше недели, что все дома вокруг были украшены разноцветной новогодней мишурой, детскими поделками и красочными игрушками, сестры Добар не поддавались всеобщему веселью. У них было свое веселье, которому очень мешали добрые песенки, улыбки и смех, а также небольшие подарки, оставленные у их калитки жителями деревушки. Подарки ведьмы не забирали, поэтому их образовалась целая куча, но сестры игнорировали и это.

Однажды ночью, возвращаясь, домой по хрустящему снегу, сестры пребывали в скверном настроении.

Двор их старого дома походил на заброшенную пряничную декорацию, которую забыли убрать после Нового года и слегка подзапылили сажей. Воздух звенел от колючего мороза, а снег хрустел под ногами с таким звуком, будто кто-то в небесах неспешно ломал гигантский леденец. Старый дом, укутанный в шапку снега, шурился на мир пустыми оконцами, из которых, казалось, вот-вот посмотрит сама зима.

Ведьмам хотелось праздника, хотелось ощутить его всей душой, но почему-то не получалось.

– Ну, я не знаю, – сказала Петуния, отодвигая подарки ногой, чтобы открыть калитку. – Может мы просто уже слишком старые для всего этого.

– Ой, ну что за глупости ты вечно болтаешь! – запротестовала младшая Астильба, пропуская вперед свою среднюю сестру Петунию. – Просто у нас был непростой год и теперь нам требуется чуть больше времени, чтобы настроиться на новогодний праздник. Не думаю, что это какая-то проблема. Правда, Роза?

Старшая – Роза Добар, промолчала. Она не любила отвечать на глупые вопросы сестер. К тому же, она сама не знала, что творится в ее доме и почему все складывается так скверно.

–А, может нам слетать к тетке Фанзилине? Она, наверняка, сможет объяснить, почему нас ничего не радует, – предложила Петуния, пытаясь как-то обойти ослов.

Зимой сестры редко путешествовали верхом на своих ослах и потому почти не уделяли им никакого внимания. Именно поэтому, в этот раз, на этой белой, нетронутой снежной глади, на узкой тропке, ведущей от калитки к крыльцу дома, развернулось эпическое противостояние. Картина напоминала рождественский вертеп, но только вместо мудрых волхвов и пастухов, в нем участвовали три осла и три ведьмы.

Столкнувшись с ослами, ведьмы были вынуждены остановиться. Их путь был прерван. Три осла стояли стеной, заполнив собой все свободное пространство. Они стояли как три мохнатых недовольных бугра. Их шубы были покрыты инеем, а длинные уши, украшенные сосульками, были прижаты назад, к шее, что являлось сигналом, что ослы в ярости. Этим ослы показывали хозяйкам, что они не просто голодные, а оскорблено-голодные. Зима отобрала у них последнюю колючку, и в их желудках царил звонкая пустота. Так что сейчас они не собирались уступать. Сугробы по бокам были им не указ, а мороз лишь усиливал их праведный гнев. Они превратились в живую, дышащую пушистую пробку, закупорившую единственный путь

к теплему очагу. И, конечно, они были готовы стоять хоть до весны. Или до первого яблока. В зависимости от того, что наступит раньше.

В общем, не сказать, что ослы любили своих хозяек, просто иногда им хотелось, чтобы их заметили и хотя бы накормили. Сейчас был именно такой случай и ослы, не теряя времени, сразу атаковали хозяек, как только те ступили за калитку во двор.

– Тетка Фанзилина не станет даже слушать такие бредни, – сказала Роза и, разглядев злющие глаза ослов, она засунула руку в карман балахона и, вытащив три малюсеньких яблочка, бросила их вперед, подальше от крыльца дома. Ослы унюхав пищу, бросились к долгожданной еде. Противостояние завершилось. – Давайте лучше войдем в дом, пока я совсем не окоченела. И, кто-нибудь, накормите уже ослов, а то они скоро сожрут нас.

– Хорошо, Розочка, только не волнуйся, – ответила Астильба, которая ужасно боялась гнева старшей сестры. – Я все сделаю.

В эту ночь ни темнота, ни холод не радовали ведьм. Не было даже желания сделать кому-то какую-нибудь гадость. Три бесформенные фигуры в балахонах, запорошенных снегом и цвета увядшего праздничного венка, ввалились в дом, оставляя на полу лужи от подтаявшего снега. Вместо зловещей тишины их встретило навязчивое тиканье кухонных часов.

Три закутанные руки синхронно вытянулись из складок ткани. Щелк – и на массивном дубовом столе зажглись три толстые свечи. Пламя было низким, жирным и слегка зеленоватым. Очаг тлел вполсилы и красноватый свет от углей не столько освещал, сколько подчеркивал глубокие тени в углах. Пламя, казалось, ленилось разгораться. Полки вдоль стен гнулись под тяжестью книг в потрепанных переплетах и банок с ингредиентами. Но, на многих сосудах уже лежал ровный слой пыли, а этикетки, сделанные самостоятельно, выцвели. Некоторые банки стояли криво, без крышек. Кресла у камина – глубокие, потертые – были завалены вещами: скомканным пледом, книгами, охапкой неочищенных сухих кореньев. Прялка в углу стояла неподвижно. Веточка омелы, приколотая над дверью для защиты, давно высохла и пожелтела, с нее осыпались ягоды, так и, оставшись лежать на полу. На кривой деревянной скамье у стены лежали разбросанные карты, но не для гадания, а будто кто-то вяло поиграл в пасьянс и махнул, рукой, не доделав. В медном тазу умывальника стояла мутная вода, в которой плавал опавший с сушившегося пучка лист полыни. Над всем этим висела тишина, нарушаемая лишь потрескиванием углей да редким скрипом половиц. Даже магические предметы – кристаллы, зеркала, связки перьев – казалось, погрузились в ту же спячку, покрылись пленкой забвения и безразличия своих владельцев.

Воздух в доме, обычно насыщенный тихой, мрачной силой, теперь был заряжен неправильной энергией – не их собственной, а навязанной извне. Это был заряд бестолкового человеческого счастья, людского праздника, от которого тошнило.

Не сбросив своих балахонов, сестры грузно уселись за стол, бесформенные, как три мешка с таинственным, но явно нелегким грузом. Глубокие капюшоны были повернуты друг к другу.

– Что-то с нами не так, дамы, – заключила Роза, бросая недовольный взгляд на сестер.

– Я думаю, во всем виноваты эти люди в деревне, – заявила Астильба. – Носятся со своей радостью и весельем. Ну, как же здесь можно правильно настроиться на праздник?! Это же просто невозможно!

– Не голоси, сестра, – скомандовала Роза. – Лучше иди и накорми скотину.

Астильба послушно встала из-за стола и потопала выполнять приказ. Она уже привыкла, что ее никто не слушает, поэтому даже не обиделась. Честно признаться, иногда ей самой было комфортнее в кругу ослов, чем со своими сестрами.

Когда Астильба ушла, Петунья решила проявить активность и заняться приготовлением позднего ужина. Она стянула с себя промокший балахон и отнесла его в чулан, попутно прихватив и балахон старшей сестры. Быстро накидав в печь дров, она погрузила на нее чайник и

полезла за основным блюдом. Петуния так сильно хотела, есть, что с каждой минутой ее вид становился все серьезнее и воинственнее.

– А, знаешь, Петуния, может ты права, – вдруг нарушила тишину Роза. – Возможно, мы и впрямь уже совсем состарились и нам уже больше не видать прежнего веселья на Новый год.

– Ну и ладно, – ответила Петуния. – Встретим, как встретим. В конце концов, уж кому, как ни нам знать, что совершенно не важно, как мы встретим Новый год. Важно, что мы вместе.... Ну, и чтобы получился мой вкусный традиционный творожный пирог с яблоками.

Петуния засмеялась, чем вызвала улыбку на лице старшей сестры. На самом деле Роза знала, что Петуния права и что самое главное в Новом году не потерять того, кого любишь, а сестры для Розы были очень дороги, хотя она и не всегда могла их выносить.

– Где-то наша Астильба запропастилась, – сказала Петуния, расставляя на столе приборы. – Видимо, опять у нее что-то случилось. Ну, ничего нельзя доверять этой особе! Она даже ослов не может накормить без происшествий.

– Ну, пока она не визжит и не просит о помощи, значит все в порядке, – сказала Роза. – Или так или ослы ее уже доедают.

Ведьмы засмеялись, представляя, как ослы гоняют по двору их младшую сестру, а та не может от них отбиться.

– Может, мне сходить и проверить? – спросила Петуния, вытирая свои пухленькие щечки от слез, которые образовались в процессе насмешек над сестрицей.

– Не стоит, – ответила Роза. – Лучше давай поедим, а то я сейчас усну за столом и когда проснусь, буду еще противнее.

– Как скажешь, Роза, – сказала Петуния. – Я сама голодная, как стая волков.

Во дворе послышался шум. Ослы закричали, как сумасшедшие, а потом к ним присоединилась Астильба. Через минуту она влетела в дом, взъерошенная и вся в снегу. Она продолжала визжать, но было не совсем понятно, от страха она визжит или от радости.

– Кажется, ослы оказались сильнее, – сказала Роза, насмехаясь над сестрой.

Астильба, продолжая визжать, скинула свой балахон и, приплясывая, направилась к столу.

– Откуда столько счастья? Дед Мороз на свидание позвал? – ехидно спросила Роза, продолжая потешаться.

Петуния захохотала во весь голос, так что посуда на деревянных полках пустилась в пляс.

– На свидание ее может позвать, только осел, – давясь от смеха, прыснула Петуния. – И, то он вряд ли пойдет на такой безумный поступок.

Астильба не обращала внимания на издевки сестер. Она села за стол с искрящимися глазами и широкой улыбкой.

– Ты погляди, сестрица, – обратилась Роза к Петунии, – кажется, нашу Астильбу что-то очень обрадовало во дворе. Неужели кормежка ослов может так вдохновлять? У тебя такое когда-нибудь было?

– У меня нет, – ответила Петуния, накрывая на стол. Она больше думала о еде, чем об Астильбе. – Да и с чего им нас радовать? Они же нас ненавидят. Как и мы их.

– Это верно, – сказала Роза, не отводя глаз от младшей сестры. – Ну, тогда откуда на лице Астильбы столько радости?

Пока сестры общались, Астильба продолжала молчать. Она лишь хитро поглядывала на сестер и заразительно тихонечко хихикала. Наконец настал тот момент, когда она больше не могла держать в себе столь важную информацию и, набрав в грудь побольше воздуха, Астильба открыла рот.

– Вы не поверите, сестры, но, кажется, Бог услышал наши молитвы, – начала свой рассказ младшая Добар. – Сейчас я видела то, что мы с вами уже давно не видели. Ох, я так обрадо-

валась, когда поняла, что это именно то, что нам сейчас нужно! Это то, что вернет в наш дом праздничное настроение! Я всегда верила в новогоднее чудо!

– Боюсь даже представить, что ты там увидела, – бросила Петунья.

– О, это настоящее счастье для нас! – воскликнула Астильба.

– Так может, ты уже прекратишь восторгаться в одиночестве и поведаешь нам об этом счастье, – слегка требовательно попросила Роза, которую потихоньку стало раздражать поведение младшей сестры.

– Ну, конечно я вам расскажу, – сказала Астильба, – вот только сделаю глоточек горячего шоколада.

Роза глубоко вздохнула. Ее терпение было на исходе, а вот Петунья вообще не замечала никого – только еду. Она уже начала кушать, а когда она кушала, то ни одна беседа ее не увлекала. Именно поэтому она не прониклась ни раздражением Розы, ни восторженностью Астильбы. Она ела и это все, что было ей нужно.

Младшая Добар сделала несколько хороших глотков из большой чашки и, облизнувшись, начала свой рассказ.

– В общем, я как обычно, кормила ослов, которые, кстати, толкали меня, хватали зубами за балахон и очень громко кричали. Знаете, сестры, с каждым годом эти животные ведут себя все более неуважительно. Нам надо с этим что-то делать.

– Ближе к счастью, – грубо сказала Роза, которая почти перестала верить, что услышит конец этой истории.

– Ах, да! Ну, вот, пока я ругалась с этими грубыми животными, я ничего не заметила, – продолжила Астильба. – А, потом, Петунья, меня сбил с ног твой осел! Я, кстати, больно, ударилась коленом. И, вот когда я лежала на ледяной земле, я случайно заметила на соседском заборе черную кошку. Я присмотрелась и увидела еще одну, на крыше, а потом еще и еще. Вы понимаете? Я сразу все поняла и поспешила к вам с хорошими новостями.

Роза с Петуньей переглянулись. Если то, что говорила Астильба, было правдой, то праздник спасен! Можно было смело рассчитывать на веселые денечки и прекрасное настроение.

– Ой, ну и повезло же нам! – воскликнула Петунья, чуть не подавившись овощным рагу. – Вот будет потеха! Роза, ты слышишь? В нашей деревне объявился новогодний Проказник! Что может быть лучше!

В старые времена, когда снега были белее, морозы крепче, а ночи в декабре такие длинные, что казались бесконечными, в самой глубине Черного Болота, что за густым, черным лесом, жило и не тужило маленькое злобное существо по имени Проказник.

Он был мал ростом, с лицом похожим на сморщенную репу, с колючим взглядом бусинок-глазок и длинными пальцами, вечно что-то ковыряющими и пачкающими. Одежда на нем была странная. Она не согревала, а больше скрывала, защищала и пугала. На нем всегда был толи балахон, толи тулуп, сшитый не из цельной шкуры, а из разных, отвратительных на вид и ощупь кусков. На ногах были особые плетеные лапти, которые оставляли странные нечитаемые следы, похожие на птичьи следы, но с непонятным рельефом. Во рту у него была короткая глиняная трубочка. Он никогда не курил ее. Это был свисток. Один тонкий свист – коты замирали. Два прерывистых – коты и кошки рассыпались в темноте.

Он ютился не в избе, а в старом, вывернутом с корнем пне, дупло которого уходило глубоко под землю. Его жилище не давало уюта, тепла или покоя. Оно было продолжением его сущности – мрачным и наполненным скрытыми угрозами. Вход в этот холодный, безжизненный дом был тщательно скрыт от любых глаз. Лишь Проказник и его верные коты и кошки могли беспрепятственно проникать туда. Проход был узким, извилистым и резко уходил вниз. Внутри пространство делилось на несколько комнат, отгороженных друг от друга завесами из спутанных волокон лыка и паутины. Стены там были выстланы ином, а вместо кровати лежало грубая кора, натертая смолой, на которой лежало лоскутное одеяло из шкурок полевок и кро-

тов. В углу тлел вечный очаг – это ямка, где на грудe углей тлел болотный торф, дававший больше едкого дыма, чем тепла. Над ним на цепи висел закопченный горшочек, в котором Проказник кипятил воду или варил себе и своим питомцам мерзкий жидкий суп.

К слову, все коты и кошки жили вместе со своим хозяином, которым он выделил небольшую сырую комнатку. Там, на подстилке из сухого папоротника они все и спали. Комнатка была пропитана запахом шерсти, дичью и молоком, которое Проказник воровал у спящих деревенских коров.

В норе царил вечный полумрак. Свет давали лишь несколько жирников – плошек с тюленьем жиром, в которых плавали скрученные из тряпиц фитили. Они коптили, отбрасывая дрожащие гигантские тени корней на стены, превращая жилище в подобие чудовищного рта.

В общем, жизнь Проказника была лишена радости в привычном понимании. У него не было друзей, песен, теплых воспоминаний. Его единственной эмоцией была холодная, сосредоточенная злоба, похожая на ледяной стержень внутри. Но, в этой злобе была своя сложная философия. Он не просто не любил Новый год. Он ненавидел его всем сердцем и оттого он не просто вредил. Он творил помехи, сочинял досаду, выстраивал цепочки мелких неудач, которые, как он верил, раскрывали истинную суть праздника – его хрупкость и лицемерие.

В течение всего года, перед сном, он проводил самый важный ритуал – «Настройка злобы». Он не просто злился. Он концентрировался. Сидя в темноте, он вспоминал все случаи, когда слышал искренний радостный смех. Вспоминал запах свежей выпечки из деревенских печей. Вспоминал огни в окнах, которые означали тепло и семью. И из каждой такой памяти он выжимал каплю яда, лепил из них холодный шар обиды и непонимания, который и был топливом для его существования. Без этого ритуала он мог, не дай болото, стать равнодушным. А, равнодушие было страшнее любой неудачи.

Ну, а что еще ему было делать, когда жизнь его была выстроена с мрачной, унылой аккуратностью, подобной узору на зимнем стекле. Он не существовал – он подготавливался. Подготавливался к единственному событию своего года – порче приближающегося Нового года.

Перво-наперво Проказник готовил свои сани. Они были его славой и оружием. Неказистые, скрипучие, сбитые из кривых жердей и старых досок, позаимствованных то у развалившегося амбара, то у покосившейся бани. Они были не просто деревяшками. Они были злыми. Они впитывали в себя вековую обиду хозяина, и в морозные ночи от них исходил легкий пар, похожий на озлобленное дыхание. Дерево временами поскрипывало само по себе, будто сани с нетерпением ждали выезда.

А еще, были у этих саней две удивительные особенности. Во-первых, они могли скользить не только по снегу, но и по голой земле, по крышам и даже, в особо удачные ночи, на пару локтей над сугробами. А во-вторых, тянули их ни кони, ни олени и даже ни ослы, а множество угольно-черных котов и кошек. Они тоже были особой гордостью Проказника. Шерсть их лоснилась, как смоль, глаза горели холодным зеленым огнем, а лапы ступали бесшумно, не оставляя следов. Так же они с удовольствием помогали Проказнику в его проказах.

Когда упряжка трогалась, это было жуткое и завораживающее зрелище. Коты и кошки не бежали вразнобой. Они двигались в абсолютной, немыслимой синхронности, как единый многоглавый механизм. Их зеленые глаза выстраивались в две ровные линии, похожие на фары призрачного экипажа. Они не уставали, не сворачивали. Они мчались сквозь метель и стужу с мертвой, безэмоциональной целеустремленностью, везя на своих спинах маленький, сморщенный комочек вселенской досады прямо к чьему-то празднику. Скрип полозьев сливался с тихим шорохом беззвучных лап – это была песня Проказника, его марш, его предновогодняя серенада.

Да, так уж вышло, что его жизнь была непрерывным, одиноким трудом. Проказник не просто портил праздник – он воевал с самой его идеей, с надеждой на лучшее, с верой в чудо. И в этой безнадежной, уродливой войне он находил свое странное, извращенное призвание,

будучи одновременно и ремесленником, и солдатом, и художником, творящим в жанре тихой, леденящей пакости.

Именно потому, что он любил все портить и доставлять людям неприятности, сестры Добар так обрадовались его появлению. Ведьмы знали, что никто не способен испортить праздник так, как его портил Проказник и поэтому они воспряли духом.

– Уж он-то быстро разберется с этими шумными детишками и с их надоедливыми песенками про новогоднее счастье, – сказала Петунья. – А, то у меня уже уши болят от их постоянного пения и смеха. Знаете, если бы сейчас не появился Проказник, я бы, наверное, сама что-нибудь сделала бы, только чтобы они, наконец-то, замолчали и перестали таскать нам, эти чертовы подарки.

– Да, думаю, сейчас это то, что нам нужно, – сказала Роза. – Проказник вернет нам наше новогоднее настроение и тишину в деревню.

На этом ночь сестер Добар закончилась. Они спокойно доели свой ужин и отправились спать. Каждая из них надеялась, что проснувшись, они увидят гораздо больше расстроенных лиц и не услышат ни одной новогодней песни.

Глава 2

На следующий день, когда сестры Добар проснулись, а это было уже в четыре часа дня, они и впрямь заметили, что деревня слегка изменилась. С многих домов были сброшены все украшения, некоторые из которых были испорчены и не подлежали восстановлению. Окна и двери нескольких домов были засыпаны снегом, да так плотно, что хозяева не могли выйти на улицу. Они были вынуждены ждать, пока добрые соседи, которых не коснулась подобная беда, помогут им выбраться на свободу.

Прильнув к окну и наблюдая за страданиями жителей, ведьмы радовались, как дети. Они смеялись, шутливо толкали друг друга и восторгались проделанной работой Проказника и его черных пушистых помощниц и помощников.

Радость длилась ровно до тех пор, пока сестры не услышали веселую новогоднюю песню, а потом разглядели толпу счастливых ребятишек, которые пели эту песню. Дети смеялись, кидались снежками и поздравляли прохожих с наступающим праздником.

– Ты посмотри! Ну, почему нельзя было доделать дело? – возмутилась Петунья, начисто забыв про свой урчащий желудок. – Я же так надеялась на Проказника!

– Мы все на него надеялись, – сказала Роза, – но, видимо, напрасно. Да, что такое! Однако мы все стареем и теряем интерес ко всему, что нас окружает и в чем мы раньше видели удовольствие.

– Ой, ну вы, правда, как старые бабки, – сказала Астильба. – Увидели небольшой изъязн и заныли. Проказник всего одну ночь в деревне и еще не успел разгуляться. Дайте время! Он все сделает, как надо!

– Может ты и права, сестричка, – сказала Петунья, отходя от окна с чувством разочарования. – Но, я думаю, что нужно поймать одну из его кошек и шепнуть ей на ухо, что мы не совсем довольны работой ее хозяина.

– Это плохая идея, – заключила Роза. – Проказник не любит, когда его ругают, особенно, передавая это через кошек. Он очень ранимый.

– А, за что его хвалить? – снова возмутилась Петунья. – Деревня не такая уж большая. Можно было бы и за одну ночь управиться. Мы бы с вами и то лучше справились.

Радость сестер Добар была недолгой и к позднему обеду они приступили в скверном настроении. Они почти не разговаривали между собой, отчего в доме царила довольно напряженная атмосфера, и это еще больше угнетало ведьм. Сестры хотели праздника, а он как будто специально не хотел с ними встречаться.

К ночи пик недовольства достиг своего предела. Сестры Добар не могли больше сидеть без дела и ждать милости от природы. Им захотелось действовать и действовать немедленно.

– Я кое-что придумала! – вдруг выкрикнула Астильба, соскочив с кресла, в котором сидела возле камина. – Мы можем помочь Проказнику! Нам ведь все равно нечего делать, так что мы могли бы сами сделать пару гадостей. Ну, же, сестры! Мы можем взять наше особенное зелье, то которым мы поливаем снег, чтобы он испарился и все вокруг станет темным и грязным. Это точно поубавит радости у этих людишек. Все снеговики и горки превратятся в лужи, и их детишки будут рыдать горячими слезами. Потом мы можем послать хворь на их скотину, чтобы у этих людей не осталось времени на сумасшедшую радость.

– Мне определенно нравится идея уничтожить все эти снежные и ледяные фигуры, – оживилась Петунья, – а вот хворь на скотину насылать не хочется.

– Ты стала слишком нежная, сестра, – сказала Астильба. – Видимо, в твоём случае, годы и, правда, взяли свое.

– Ах ты, жаба лесная! – обиделась Петунья, бросив в младшую сестру недоеденное яблоко. – Я тебе покажу – годы!

– Да хватит вам! – остановила Роза разбушевавшихся сестер, которые при любом споре готовы были прибить друг друга. – В общем, идея хорошая. Мы же и впрямь можем чуть-чуть помочь Проказнику. Думаю, он не будет против, если мы тоже немного пошалим.

– Да! – взвизгнула от удовольствия Астильба. – Ну, сестры, с чего начнем? Во мне сейчас столько радости и счастья, что я готова колдовать всю ночь.

– А вот сейчас и начнем, – улыбаясь, ответила Роза и вскочила с места.

Вдохновленные своей блестящей идеей, сестры Добар принялись воплощать ее в жизнь. По комнате, одна за другой стали загораться свечи, а в камине ярче запылал огонь.

– Ух, и повеселимся же мы! – воскликнула Астильба и запела себе под нос свою любимую праздничную песенку.

« В лесу, где сосны до луны,
Где спят под снегом древние сны,
Идет особая пора –
Ведьминская суета.

Ах, как хорошо на свете ведьмой быть!
И Новый год в лесу глухом встречать.
Как снежинка у костра кружить
И на метле к большой луне летать.

Снежинки-кружева сплести из лунных нитей.
Развесить на сосне, что спит у синих вод.
И знать, что самый главный гость на празднике,
То волшебство, что прям из рук твоих идет!

Ах, как хорошо на свете ведьмой быть!
Зелья разные в котлах варить.
Новый год с сестрицами встречать,
И ведьмам всем добра желать!»

Сестры живо подхватили праздничное настроение Астильбы и тоже запели вместе с ней.
– Как хорошо, – шепнула младшая, зевая, – на свете ведьмой быть, года встречая.

От такого оживления в доме, ослы на улице замерли и уставились в окна жилища своих нелюбимых хозяек. Животные сразу поняли, что ведьмы пребывают в хорошем расположении духа, а это значит, что возможно, они не забудут про них и вкусно накормят.

Ослы не ошиблись по поводу настроения ведьм, но вот по поводу кормежки явно не угадали. Сестры Добар начисто забыли про скотину и про то, что ее вообще нужно кормить. Ослы договорились между собой, что подождут еще немного, а уж потом начнут орать на всю деревню и требовать положенную им еду.

Напрасно звери толпились у крыльца и ждали. Ведьмы Добар и не собирались даже вспоминать о них. Сейчас их охватила такая радость и такая неумолимая работоспособность, что по дому то и дело летали разные предметы, перемещаясь от одной сестры к другой. На большом деревянном столе в одно мгновение появились разные баночки, колбы, тарелки, ступки, ложечки и пинцеты, разноцветные мешочки с разными травами, сушеные лапки, усики и ушки и еще много всего. Сестры подошли к делу основательно и вытащили и положили посреди стола свою большую и очень древнюю книгу заклинаний. В центре комнаты, на полу, стояли три котла разных размеров для приготовления трех магических зелий, которые должны были помочь ведьмам вернуть праздничное настроение себе, а жителям деревни испортить его.

– Ну, вот, сестры, – начала Роза, – самое время выбрать три заклинания и приготовить чудесные зелья в подарок этим надоедливym людишкам. Одно мы уже выбрали – зелье, что топит снег. Давно мы его не готовили. Ах, эта радость переполняет меня! Как же хорошо вновь проявить свои способности и насладиться их последствиями.

– Да, сестрица, – подхватила Астильба. – Я тоже так счастлива!

– Наконец-то к нам вернулось вдохновение! Мы готовы петь, плясать и делать гадости! – восхищалась Петунья, приплясывая возле стола. – Ну, а какие еще два зелья мы выберем? Давайте сделаем те, что будут готовы к следующей ночи. Мне уже так натерпится воспользоваться ими.

– И мне! Я тоже хочу поскорее помочь Проказнику, – затараторила Астильба. – Я так хочу повеселиться!

– Тихо, сестры, – скомандовала Роза. – Мне и самой натерпится начать, но нужно сосредоточиться и выбрать зелье.

– Только не хворь на скотину, – твердо заявила Петунья. – Зачем? Лучше сварим зелье, которое поможет нам околдовать животных и попросить их усложнить их хозяевам жизнь. Ух, ну разве не чудесная идея?

– Блестящая идея, сестра! – обрадовалась Астильба и послала сестре воздушный поцелуй. – А, каким будет третье зелье?

– Я придумала! – воскликнула Петунья и положила руки на свои внушительные по размеру бока. – И, как я раньше не сообразила? Давайте испортим им еду! Все их новогодние угощения покроются плесенью и гнилью, и они останутся без вкуснятины на праздник. Это же то, что нужно!

– О, Петунья, да ты просто умница! – похвалила сестру Роза. – Мы устроим себе такой Новый год, который будут помнить еще очень долго. Ну, сестры, за дело!

И, в доме Добар закипела работа. Один за другим в большой камин залетали котлы и вешались за ручки на металлические крюки. Потом в них летело все по рецептам – корни, травы, сушеные ягоды, грибы, усики и ушки, хвостики, змеиные головы, летучие мыши, лягушки с болот по всему свету и многое другое. Над каждым котлом ведьмы нашептывали разные заклинания. В процессе приготовления они громко смеялись и подбадривали друг друга тычками и шуточными комплиментами. В первый раз за долгое время сестрам Добар нравилось работать вместе. Они носились по дому, жонглируя колбами, чашками и всевозможными ингредиентами. Из трубы на их крыше то и дело вылетал разноцветный дым, то тонкой струйкой, то плотными клубами, а иногда вообще блестящим конфетти. Ведьм это окрыляло, а вот

жителям деревни, которые наблюдали за ведьминым домом, это сильно не нравилось. Люди заподозрили неладное и еще больше укоренились в мысли, что все неприятности, которые произошли с ними на днях, все это рук их волшебных, злобных соседак.

Сестер Добар не беспокоило мнение жителей деревни. Они и так знали, что их не любят и никогда не полюбят, так зачем тогда им тратить время и силы на то, чтобы притворяться добрыми и улыбаться при встрече. Ну, уж, нет. Сестры предпочитали наводить на деревню ужас и кошмар.

– Уж лучше пускай они нас боятся, – говорила Роза. – Это у них, по крайней мере, натурально получается.

И, люди боялись, что было на руку ведьмам. Но, лишь несколько дней в году, жители деревни переступали через свой страх, вдохновленные большим праздником – Новым годом и пытались проявить дружелюбие к злым соседкам. Они тайком несли им подарки, вешали на их покосившийся забор самодельные игрушки и сладости в блестящих мешочках. Но, это никогда не помогало. Ведьмы не хотели дружить.

К концу приготовления третьего зелья в доме Добар царил полнейший беспорядок. Это был хаос, и он был слоистый, как праздничный торт. На полу – следы принесенного снега, растоптанного ботинками и смешанного с сушеной ромашкой. На кухонном столе, заваленном склянками и пачками засушенных трав, будто произошло миниатюрное цветное наводнение. Лиловая лужица одного зелья медленно расползлась по пергаменту с рецептом, сливаясь с розовым пятном от другого зелья. Золотистый сироп солнечной удачи, который ведьмы выпили в начале этого мероприятия, но не допили, теперь застыл блестящей каплей на краешке стола. Из одной опрокинутой колбы сочилась вязкая, темно-зеленая субстанция, пахнувшая болотом и тоской.

По углам комнаты, вперемешку с обычным домашним хламом, лежали следы магических экспериментов. Возле камина, где булькали котлы, валялись ошипанная лапка летучей мыши и чей-то хвост. На полочке, сотканном из змей, сохли кристаллы инея, собранные когда-то на рассвете в полнолуние, а на спинке стула висела крапива, беспорядочно перепутанная с высушенными вороньими перьями.

Всюду царила странная, суматошная гармония. Нет, это был не грязный бардак, а творческий хаос, где вместе с ядовитыми грибами на полках соседствовали засахаренные апельсиновые корочки для праздничного напитка, а в ступе для толчения паутины лежала пригоршня праздничных блесток, высыпавшихся из порвавшегося мешочка.

Окна, заиндевшие снаружи от декабрьского мороза, изнутри были расписаны причудливыми узорами конденсата от кипящих зелий. Было красиво, пока одна из ведьм не открыла ненадолго самое маленькое оконце, возле входной двери, впустив холодный воздух в дом и тем самым испортив всю красоту на запотевших поверхностях.

В общем, все вокруг было разбросано, рассыпано и испачкано, и это сильно раздражало Петунию, которая считалась главной по чистоте.

– Надо быстренько тут все прибрать, а то скоро рассвет, – причитала Петуния, хватаясь то за тряпки, то за веник. – Нельзя оставлять мою кухню в таком виде.

Роза и Астильба переглянулись и на их лицах отразились хитрые улыбки. Они не хотели участвовать в уборке, поэтому думали, как бы обмануть среднюю сестру и побыстрее уйти спать.

– Ты начинай уборку, сестра, – обратилась Роза к Петунии, – а мы с Астильбой разольем зелья по колбам и унесем в подвал, чтобы настоялись лучше.

– Да, а ночью пойдем проказничать! – с восторгом заявила Астильба. – Скорей бы уже!

Петуния знала своих сестер уже давно и сразу могла понять, когда те пытаются отлынивать от работы.

– Конечно, Роза, – снисходительно сказала Петунья, – ты иди, а мы с Астильбой приведем кухню в порядок. В конце концов, ты истратила на заклинания больше сил, чем мы, так что тебе, и отдыхать больше. Иди, ложись спать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.